

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Асадов Р.Б. Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77028 EDN: TFVAFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77028

Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски

Асадов Раму Бекжанович

старший преподаватель; Юридический институт; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
главный редактор; Диалог (www.npzhdialog.ru)

600026, Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 87

✉ asadov@npzhdialog.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77028

EDN:

TFVAFG

Дата направления статьи в редакцию:

30-11-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают манипулятивные речевые стратегии, применяемые лжецелителями в процессе внушающего воздействия на граждан, а также их правовые последствия в контексте современной российской практики противодействия мошенничеству. В центре анализа находятся механизмы суггестии, формирующие у адресата искаженную картину реальности и подчиняющие его поведение моделям, сконструированным исполнителем. Исследование охватывает лексические, семантические и прагматические характеристики соответствующих текстов, определяющих структуру речевого влияния. Особое внимание уделено юридической оценке таких воздействий, включая сложность доказывания умысла, установления причинно-следственной связи между речевым давлением и имущественным ущербом, а также выявления маркеров, значимых для квалификации деяний по ст. 159 УК РФ. Предмет исследования интегрирует лингвистические, психологические и нормативные аспекты, что позволяет сформировать многомерное представление о природе лжецелительства как социально опасного феномена. Методология исследования

опирается на юрислингвистический анализ, включающий когнитивно-дискурсивный подход, элементы психолингвистики, сравнительно-правовой метод и лингвопрагматическое описание суггестивных стратегий, выявляемых в судебной и коммуникативной практике. Научная новизна исследования состоит в обосновании юрислингвистической конвергенции как эффективного инструмента анализа манипулятивных речевых стратегий лжецелителей, основанных на суггестивных механизмах и создающих у адресата когнитивно искаженное восприятие риска и возможностей. В работе впервые предложена комплексная типология языковых и прагматических маркеров, значимых для квалификации действий по ст. 159 УК РФ, а также выявлены критерии, позволяющие отделить суггестивное воздействие от традиционных форм обмана. Сделан вывод о необходимости учитывать динамику речевого давления и эмоционально-психологические факторы при оценке умысла и общественной опасности деяния. Подчеркивается практическая значимость развития юрислингвистической экспертизы и совершенствования правового регулирования, направленного на выявление и пресечение псевдолечебной деятельности, использующей внушение как способ получения имущественной выгоды.

Ключевые слова:

юрислингвистическая конвергенция, юрислингвистика, речевая манипуляция, суггестия, лжецелительство, мошенничество, право, манипулятивные речевые стратегии, правовые риски, судебная практика

Введение

Феномен манипулятивных стратегий, применяемых лжецелителями и иными субъектами парамедицинской сферы, демонстрирует сложное переплетение языковых и правовых механизмов, требующее анализа в оптике юрислингвистической конвергенции — междисциплинарного подхода, интегрирующего когнитивные, аксиологические и нормативные измерения речевой деятельности. В отечественной доктрине обоснованно подчеркивается, что взаимодействие права и языка не сводится к инструментальной функции нормотворчества: оно задает рамки интерпретации социальных практик, включая речевое поведение лиц, эксплуатирующих доверие граждан посредством суггестивных техник [\[1\]](#). Лжецелительство как социально-правовой феномен наиболее рельефно проявляет эту взаимосвязь, поскольку в нем языковая игра намеренно маскируется под «целительные» практики, а внушающее воздействие оформляется как квазипрофессиональная коммуникация.

Нарастающий интерес к проблематике речевой манипуляции в юриспруденции обусловлен расширением спектра преступных деяний, совершаемых посредством вербальных средств. При этом российская криминалистика сталкивается с ситуацией, когда традиционные категории состава преступления нуждаются в переосмыслении ввиду использования психотехник, нацеленных не на прямое введение в заблуждение, а на создание эмоционально-когнитивной зависимости. Так, М. И. Парасуцкая подчеркивает, что юридизация суггестии требует четкого разграничения между манипуляцией, основанной на языковом конструировании альтернативной картины реальности, и обманом как элементом объективной стороны мошенничества [\[2\]](#). Подобная дифференциация имеет принципиальное значение для квалификации действий лжецелителей, чьи речевые стратегии зачастую находятся на грани между

недобросовестным воздействием и уголовно наказуемым мошенничеством.

Суггестивная природа коммуникативных техник, применяемых лжецелителями, объясняет устойчивость их влияния даже при минимальном содержательном наполнении высказываний. Исследователи убежденно показывают, что суггестивное воздействие в юридически значимых ситуациях опирается на комплекс паралингвистических и психологических механизмов — от ритмизации речи до построения семантических «ловушек», создающих иллюзию экспертного знания [3]. В этом контексте деятельность лжецелителей представляет собой специфический тип правонарушающей коммуникации, где ключевую роль играет не информационный объем сообщения, а его способность инициировать у адресата некритичное принятие псевдомедицинских утверждений, транслируемых как объективные и авторитетные.

Выбор темы настоящего исследования обусловлен потребностью в системном анализе речевых механизмов, формирующих суггестивный потенциал лжецелительства, и юридических рисков, возникающих вследствие такой коммуникации. Лжецелители используют дискурсивные модели, которые, с одной стороны, эксплуатируют социальную уязвимость граждан, а с другой — создают трудности для правоприменителя, вынужденного квалифицировать действия между уголовно-правовой и административно-правовой плоскостями. Как справедливо отмечает З. Р. Салаев, специфика мошенничества в форме оказания оккультных и психологических услуг проявляется в сложности доказывания причинно-следственной связи между внушающим речевым воздействием и имущественным ущербом [4]. Отсюда следует необходимость комплексного юрислингвистического анализа, позволяющего выявить ключевые маркеры манипуляции, релевантные для квалификации деяния и оценки его общественной опасности.

Понимание манипулятивных практик лжецелителей невозможно без обращения к категории «речевого мошенничества», которая в отечественной юрислингвистике рассматривается как комплекс коммуникативных действий, направленных на побуждение адресата к поведенческому решению вопреки его действительным интересам. Б. И. Осипов одним из первых предложил концептуально выделить речевое мошенничество в самостоятельную форму противоправного поведения, указав, что его специфика заключается не столько в фактической лжи, сколько в создании искусственной семантической рамки, ограничивающей возможность рационального выбора [5]. Эта характеристика особенно релевантна для анализа стратегий лжецелителей, которые системно формируют у граждан убежденность в наличии «скрытых угроз» — порчи, негативной энергии, «лечебных кодов» и иных псевдонаучных конструкций.

Разграничение речевой манипуляции и речевого мошенничества остается предметом дискуссии, поскольку их проявления нередко пересекаются на уровне коммуникативной техники. Однако Осипов подчеркивает, что манипуляция как таковая не обязательно преследует цель личного обогащения, тогда как мошенничество предполагает имущественный результат и наличие умысла на введение в заблуждение [6]. В этом контексте лжецелительство демонстрирует гибридный характер: манипулятивная составляющая (суггестия, внедрение ложных установок, использование псевдотерминологии) становится инструментом для извлечения имущественной выгоды. Такое структурное слияние формирует внутреннюю правовую проблему: нормативная конструкция мошенничества в УК РФ ориентирована на объективируемый обман, тогда как в реальной практике воздействия лжецелителей ключевым является именно суггестивный компонент, сложный для фиксации и доказывания.

По мере развития юрислингвистики исследователи все более подчеркивают, что основой манипулятивного воздействия выступает не столько искажение информации, сколько использование языковых признаков, формирующих у адресата определенный эмоционально-когнитивный режим восприятия. В. А. Мишланов аргументирует, что манипулятивные тексты различаются особым типом семантической организации, включая неопределенные референты, модальные конструкции, речевые эвфемизмы и апелляцию к псевдоэкспертности [7]. Лжецелители активно эксплуатируют именно эту тактику: создают тексты, насыщенные неопределенными, но убедительно звучащими понятиями («энергетический блок», «кармическая патология»), и структурируют коммуникацию так, чтобы адресат воспринимал интерпретации исполнителя как единственно возможные.

Параллельно с лингвистическим анализом механизма внушающего воздействия необходимо учитывать и результаты исследований суггестии в институциональных видах дискурса. Так, Т. С. Сафронова, анализируя вступительные речи прокуроров, показывает, что суггестивный эффект достигается при помощи комбинации оценочной лексики, риторических вопросов, интонационных акцентов и апелляции к ценностным ориентирам аудитории [8]. Несмотря на различие сфер, этот вывод применим и к практике лжецелителей: они активно используют морально-нравственные, экзистенциальные и семейные мотивы для создания доверительной атмосферы, в которой адресат перестает критически воспринимать информацию. Таким образом, изучение внушающего потенциала речевых стратегий лжецелителей требует комплексного подхода, объединяющего юридическую оценку содержания высказываний и лингвистический анализ механизмов их воздействия.

Постановка проблемы

Рассматривая речевые стратегии лжецелителей в более широком социально-коммуникативном контексте, важно учитывать, что манипулятивное воздействие нередко опирается на дискурсивные практики, сходные с религиозными и парарелигиозными формами коммуникации. В этих сферах, как отмечает Е. А. Худышкина, речевое воздействие строится через создание символического пространства, в котором адресату предлагается готовая интерпретация мира и собственной роли в нем [9]. Лжецелители используют структурно аналогичный механизм: апеллируют к универсальным темам — страху болезни, тревоге за близких, стремлению к контролю над жизненными обстоятельствами. Это позволяет им формировать у граждан ощущение зависимости от «знания» или «сил» исполнителя, а следовательно — подчинять поведение адресата заранее заданной модели. С точки зрения правового анализа подобные речевые конструкции создают ситуацию, в которой граница между добровольностью и вынужденностью принятия решений становится размытой, что усложняет квалификацию действий лжецелителей.

Роль суггестивных механизмов в коммерческих коммуникациях также демонстрирует важные параллели с практиками лжецелителей. Например, исследования рекламного дискурса показывают, что внушающее воздействие зачастую достигается не прямыми обещаниями, а использованием ценностно окрашенных формул, имитирующих экспертность и формирующих у потребителя доверие к источнику сообщения. Е. С. Кара-Мурза подчеркивает, что законодательная регламентация рекламы вынуждена учитывать семиотическую сложность таких сообщений, поскольку они создают иллюзию объективности даже при отсутствии фактического содержания [10]. Если в коммерческом дискурсе подобные механизмы ограничиваются правовыми требованиями к достоверности информации, то в сфере лжецелительства они зачастую выходят за рамки

правового регулирования, оставаясь в «серой зоне», где внушающие тексты не формально ложны, но создают у адресата искаженное восприятие рисков и возможностей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правовом статусе оккультных и «магических» услуг. К. Б. Ерофеев справедливо отмечает, что действующее законодательство не содержит специальных норм, регулирующих деятельность лиц, предлагающих подобные услуги, что создает заметные пробелы в правоприменении [\[11\]](#). В результате граждане оказываются без надлежащей защиты, а доказательственная база в делах о мошенничестве существенно осложняется: лжецелители апеллируют к субъективному характеру своих «услуг», избегая проверяемых утверждений, формально не нарушая запретов, но фактически вводя граждан в заблуждение. Таким образом, отсутствие специального правового режима усиливает роль юрислингвистического анализа, позволяющего выявлять манипулятивные элементы в коммуникации и их связь с имущественным ущербом.

Системная неопределенность правового статуса лжецелительства подчеркивается и в работах А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской, которые указывают, что правовое регулирование в этой сфере сталкивается с противоречием между необходимостью обеспечивать свободу вероисповедания и обязанностью государства защищать граждан от недобросовестных практик [\[12\]](#). Такое противоречие требует взвешенного подхода: с одной стороны, недопустимо вводить чрезмерные ограничения на убеждения и традиции, с другой — необходимо учитывать реальную общественную опасность деятельности лжецелителей, использующих внушающее воздействие для извлечения выгоды. Именно поэтому исследование суггестивного потенциала их речевых стратегий должно учитывать не только лингвистические и психологические факторы, но и правовые последствия, формируя основу для уточнения подходов к квалификации таких деяний и разработки профилактических мер.

Основная часть

Переходя к анализу суггестивных стратегий, применяемых лжецелителями, следует отметить, что их воздействие формируется в многоуровневом коммуникативном пространстве, где языковые элементы тесно связаны с психологическими и ситуативными факторами. Практика показывает, что такие исполнители редко используют прямой обман в традиционном юридическом смысле; напротив, они создают последовательность коммуникативных ходов, которые приводят адресата к мысли о необходимости «лечения» или приобретения соответствующих услуг. И. И. Нагорная справедливо подчеркивает, что деятельность лжецелителей опирается на эксплуатацию витальных страхов — болезни, потери близких, угрозы «порчи» — и потому формирует особый тип доверительной зависимости, в котором решение гражданина утрачивает признак свободного волеизъявления [\[13\]](#). Таким образом, основным объектом воздействия становится не рациональная оценка информации, а эмоциональная и экзистенциальная сфера личности.

Стратегии речевого воздействия в практике псевдоцелителей формируют устойчивую модель коммуникативной роли, в которой исполнитель позиционирует себя как единственный носитель сакрального или «ненаучного, но эффективного» знания. Это соответствует классическому механизму манипуляции, описанному в работах С. Г. Кара-Мурзы, где подчеркивается способность манипулятора конструировать альтернативную картину реальности и подменять когнитивные ориентиры адресата [\[14\]](#). Лжецелители

формируют подобные конструкции посредством псевдотерминологии, ритуализированных форм общения и утверждений, не допускающих проверки («у вас перекрыт энергетический поток», «на вас поставлена программа»). Эти высказывания не претендуют на логическую доказательность, но за счет внутренней целостности создают иллюзию экспертной системы, в рамках которой адресат принимает правила коммуникации, не подвергая их критическому анализу.

Особое значение приобретает вопрос о том, каким образом лжецелители организуют процесс речевого воздействия для постепенного внедрения внушаемых установок. Г. А. Копнина отмечает, что эффективная манипуляция предполагает чередование фаз сближения и давления: сначала создается эмоциональный комфорт и ощущение «понимания» со стороны манипулятора, а затем вводятся тревожные элементы, которые можно устранить только при помощи предлагаемых услуг [\[15\]](#). Такая структура коммуникации обнаруживается и в делах о мошенничестве с участием псевдоцелителей, где установлено, что первоначальные консультации носили «диагностический» характер, создавая у гражданина впечатление заботы и компетентности, а последующие этапы сопровождались навязыванием дорогостоящих ритуалов. Это позволяет сделать вывод о наличии у таких деяний двухуровневой модели внушающего воздействия: когнитивной — через создание авторитета, и эмоциональной — через искусственное формирование угрозы.

Существенный вклад в понимание манипулятивной природы лжецелительства вносит политическая лингвистика, где исследуется динамика речевого воздействия в условиях неравной коммуникативной позиции. О. Л. Михалева указывает, что манипулятивное воздействие основано на асимметрии знаний и статусов: адресат воспринимает источника сообщения как более информированного и компетентного, что делает его уязвимым к внушению [\[16\]](#). В случаях лжецелителей эта асимметрия доведена до предела: гражданин сталкивается с субъектом, претендующим на доступ к «скрытому знанию», недоступному обычным людям. Правовой аспект такой асимметрии проявляется в том, что адресат зачастую не способен распознать отсутствие реальных компетенций у исполнителя, что усиливает необходимость лингвистической экспертизы как инструмента установления фактов манипулятивного воздействия в рамках уголовного процесса.

Структура суггестивного текста: лексические, семантические и прагматические характеристики

Лингвистические особенности высказываний лжецелителей позволяют выделить устойчивый набор маркеров, свидетельствующих о наличии суггестивного воздействия. К числу таких маркеров относятся неопределенные, но эмоционально насыщенные выражения, призванные создать иллюзию глубинного знания о проблемах адресата. Исследования демонстрируют, что манипулятивный текст системно формирует у реципиента ощущение персонализированного общения, хотя фактически использует универсальные, легко адаптируемые формулы. В рекламных текстах подобные механизмы направлены на выстраивание доверительной модели общения, основанной на скрытом внушении и эмоциональной гармонизации [\[17\]](#). В лжецелительской коммуникации аналогичные стратегии выполняют функцию псевдодиагностики: многозначные высказывания о «негативной энергии» или «блокировке жизненных потоков» создают эффект адресности, хотя лишены объективного содержания.

Построение внушающих высказываний нередко опирается на использование специализированной псевдонаучной терминологии, которая выполняет две

взаимодополняющие функции: во-первых, создает у адресата впечатление экспертности источника; во-вторых, препятствует критическому восприятию информации, поскольку гипертрофированная сложность языка воспринимается как признак знания. В классических работах по манипуляции подчеркивается, что подобный тип речевых стратегий формирует эпистемическую зависимость, когда реципиент утрачивает собственную способность к формированию суждений и опирается исключительно на интерпретации манипулятора [18]. Применительно к лжецелителям это проявляется в конструировании закрытой семантической системы: введенные термины («кармический узел», «очищение поля», «энергетическое сканирование») не просто лишены связи с медицинскими фактами, но и полностью автономны от внешних критериев проверки, что значительно осложняет их оценку с юридической точки зрения.

Дополнительным уровнем суггестивного потенциала выступает прагматическая структура коммуникации, направленная на создание доверительной атмосферы. Л. М. Месропян подчеркивает, что агрессивное манипулирование формируется не только за счет лексических средств, но и благодаря особому типу коммуникативной стратегии, в которой говорящий выстраивает взаимодействие как эмоционально насыщенный диалог, предполагающий быстрые реактивные ответы адресата [19]. Эта динамика лишает граждан возможности рационально осмыслить ситуацию, создавая когнитивное давление. В делах о лжецелителях подобные модели поведения проявляются в форме интенсивных «консультаций», где гражданину предлагается немедленно принять решение — приобрести амулет, провести ритуал или оплатить «очищение». Наличие временного прессинга является ключевым признаком манипуляции, поскольку оно направлено на минимизацию когнитивного контроля и усиление подчинения.

С точки зрения правоприменения важно учитывать, что лексические и прагматические признаки речевого воздействия обладают доказательственным значением, поскольку позволяют квалифицировать действия лжецелителей как мошенничество или иные преступления против собственности. Н. А. Лопашенко справедливо указывает, что мошенничество характеризуется использованием доверия потерпевшего, а степень умысла может проявляться через особенности речевого поведения субъекта [20]. В случаях, когда воздействие строится не на прямой лжи, а на внушении, доказательство преступного умысла требует выявления системности манипулятивных высказываний, их направленности на формирование искаженного представления о реальности и связи между внушающими фразами и имущественными действиями потерпевших. Юрислингвистическая экспертиза становится в этом контексте инструментом, позволяющим реконструировать механизм воздействия и установить, имел ли субъект цель получить выгоду посредством речевого давления.

Судебная практика: структура речевого воздействия, оценка доказательств

Судебная практика по делам о лжецелителях демонстрирует устойчивую модель речевого поведения, в которой суггестия становится ключевым инструментом побуждения граждан к передаче имущества. Манипулятивные стратегии лидеров общественного влияния строятся на сочетании эмоционального давления и псевдологической аргументации, создающих у адресата иллюзию необходимости совершения определенного действия [21]. В делах о лжецелительствах аналогичное сочетание используется для формирования представления о «неотложности» вмешательства. Например, в одном из приговоров московских судов указывалось, что злоумышленники убеждали потерпевших в наличии «смертельной порчи», требующей немедленного дорогостоящего ритуала, что фактически лишало граждан возможности

осмыслить ситуацию и критически оценить предлагаемые услуги (*В Москве осудили группу лжеэкстрасенсов за обман почти 40 клиентов. URL: <https://lenta.ru/news/2016/11/09/prigovor2/> (дата обращения: 30.11.2025)*). Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, поскольку речевое воздействие носило системный характер и было направлено на формирование ложных представлений о рисках и «необходимых» действиях.

Свод материалов по уголовным делам подтверждает, что речевые стратегии лжецелителей опираются на поэтапное усиление психологического давления. В ряде случаев выявляется так называемая «модель эскалации угроз», когда первоначальное обращение содержит мягкие эвристические элементы («в вашем поле наблюдается дисбаланс»), а дальнейшие взаимодействия сопровождаются конструированием экзистенциальных опасностей («вам грозит гибель близкого человека»). В деле Г. П. Грабового, ставшем одним из наиболее известных примеров злоупотребления доверием граждан посредством внушающих коммуникаций, суд установил, что обвиняемый использовал идею «воскрешения умерших» как основу манипулятивной схемы, воздействующей на эмоционально уязвимых лиц (*С целителем Грабовым чуда не произошло. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1041516> (дата обращения: 30.11.2025)*). Несмотря на уникальность содержания, используемая схема соответствует типовой структуре речевого мошенничества: создание угрозы или проблемы, которую можно устранить только при помощи предлагаемых услуг, — что и стало основой для квалификации действий по ст. 159 УК РФ.

Аналогичным образом выстраивалось речевое воздействие в делах о «лечении рака водой из-под крана» и «снятии порчи» за значительные суммы денег. В одном из решений суд установил, что обвиняемая системно уверяла потерпевшую в наличии тяжелого заболевания, которое «не поддается традиционной медицине», и предлагала оплатить многочисленные «сеансы очищения водой», не обладавшие ни медицинским, ни бытовым смыслом (*Дело осужденной «целительницы», лечившей рак водой из-под крана, вернули в суд первой инстанции. URL: <https://pravo.ru/news/view/66007/> (дата обращения: 30.11.2025)*). В другом деле лжецелительница убеждала потерпевших, что обладает «уникальной способностью возвращать утраченные чувства», и требовала многократных платежей за «ритуалы воссоединения» (*Суд утвердил приговор «целительнице», обещавшей снять порчу и вернуть любовь. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240517/309899678.html (дата обращения: 30.11.2025)*). Суды указали, что данные высказывания не только вводили граждан в заблуждение относительно фактических обстоятельств, но и формировали психологическую зависимость, что подтверждает наличие умысла, направленного на использование доверия и эмоциональной уязвимости.

Особое значение для квалификации действий лжецелителей имеют дела, в которых речевое воздействие сочеталось с продолжительным психологическим контролем над потерпевшими. Так, в одном из случаев, рассмотренных судом Краснодарского края, обвиняемая не ограничивалась единичными внушающими высказываниями, а вела постоянную коммуникацию с потерпевшей, укрепляя убеждение в неизбежности негативных последствий при отказе от ритуалов (*На Кубани лжецелительницу посадили на 2,5 года за мошенничество на 500 тыс. рублей. URL: <https://kuban24.tv/item/nakubani-lzhetselitelnitsu-posadili-na-2-5-goda-za-moshennichestvo-na-500-tys-rublej> (дата обращения: 30.11.2025)*). Суд квалифицировал такие действия как мошенничество, подчеркнув длительность и системность воздействия. Данный подход важен для юрислингвистического анализа: он показывает, что манипулятивное влияние должно

оцениваться не фрагментарно, а в динамике, поскольку именно последовательность речевых актов формирует эффект внушения, значимый для установления умысла и причинно-следственной связи между коммуникацией и имущественными потерями.

Анализ законодательства

Юридическая квалификация действий лжецелителей требует анализа нормативных актов, регулирующих как медицинскую деятельность, так и защиту имущественных интересов граждан. Прежде всего, ключевым инструментом правоприменения выступает ст. 159 УК РФ, определяющая мошенничество как хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Однако применительно к лжецелителям обман зачастую имеет не прямую, внушающую природу: речевые действия не всегда содержат объективно проверяемые ложные сведения, но создают у адресата искаженную картину действительности посредством суггестии. Это формирует специфическую проблему для доказывания: следственные органы должны выявить, каким образом последовательность речевых актов сформировала у потерпевшего ожидание угрозы или надежды, которые побудили его передать имущество. Такой подход соответствует современной тенденции учитывать психологический характер вербальных преступлений, однако требует методологического инструментария, объединяющего лингвистический и юридический анализ.

Существенную роль в оценке лжецелительской деятельности играет законодательство об охране здоровья граждан. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает исчерпывающий перечень лиц, имеющих право осуществлять медицинскую деятельность, а также условия ее легитимности (см. *Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»*). Лжецелители, выдающие свои действия за лечение, нарушают данное регулирование, поскольку не обладают соответствующей квалификацией и лицензией. Однако в большинстве случаев они избегают прямой квалификации как лица, осуществляющие незаконную медицинскую деятельность, поскольку маскируют свои услуги под «энергетические практики», «духовное исцеление» или «ритуальные действия». С точки зрения правоприменения это создает трудности: отсутствует нормативное определение таких услуг, а потому квалификация действий как мошенничества становится основным инструментом реагирования. В то же время системная оценка действий лжецелителей позволяет рассматривать их практики как угрозу общественному здоровью, поскольку внушающие коммуникации могут препятствовать своевременному обращению граждан за реальной медицинской помощью.

Законодательство о защите прав потребителей также имеет существенное значение для анализа правовых рисков, связанных с деятельностью лжецелителей. Закон РФ «О защите прав потребителей» предусматривает обязанность исполнителя предоставлять достоверную информацию о свойствах и характеристиках услуги (см. *Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»*). Псевдолечебные практики нарушают этот принцип, поскольку заявляемые результаты («снятие порчи», «излечение неизлечимых болезней», «воскрешение») не могут быть объективно подтверждены. Более того, сама структура лжецелительской коммуникации построена на введении потребителя в заблуждение относительно характера услуги: обещания опираются не на факты, а на внушение. Хотя споры с лжецелителями редко доходят до гражданских судов — потерпевшие чаще обращаются в правоохранительные органы, — потенциал применения потребительского законодательства остается значительным, особенно в аспектах компенсации морального вреда и недействительности сделок, совершенных под

влиянием обмана.

Особую сложность представляет оценка публичных коммуникаций лжецелителей, осуществляемых через рекламу, социальные сети, сайты или мессенджеры. Федеральный закон «О рекламе» прямо запрещает распространение сведений, способных ввести в заблуждение, а также обещание результатов, не имеющих научного подтверждения (см. *Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»*). Несмотря на это, лжецелители используют гибридные формы продвижения, в которых прямые обещания заменяются намеками, эмоциональными рассказами, «историями успеха» и псевдонаучными формулами. Такие сообщения обходят формальные критерии нарушения закона, но выполняют внушающую функцию, влияющую на решения граждан. С точки зрения юрислингвистической экспертизы подобные формы коммуникации требуют тщательной семиотической оценки, поскольку манипулятивный эффект достигается не содержанием прямых утверждений, а структурой текста и его прагматической ориентацией. В результате возникает необходимость совершенствования правового регулирования, направленного на охват суггестивных форм рекламы, не содержащих прямых ложных сведений, но создающих у потребителей когнитивно искаженные ожидания.

Международная практика, доказывание суггестии, направления совершенствования правового регулирования

Сравнительно-правовой анализ показывает, что проблема правового регулирования оккультных, парамедицинских и иных внушающих практик является универсальной и встречается практически во всех правовых системах. В странах англо-саксонской традиции, например в США и Великобритании, деятельность «целителей» регулируется либо через общие нормы о мошенничестве, либо через законодательство о защите потребителей, предусматривающее строгую ответственность за ложные или непроверяемые обещания. Европейские правовые системы — Германия, Франция, Австрия — опираются на институт незаконного занятия медицинской практикой, где ключевым критерием выступает не содержание обещаний, а создание видимости профессиональной компетенции. Российский подход занимает промежуточную позицию: с одной стороны, право стремится ограничить незаконную медицинскую деятельность; с другой — оставляет пространство для «неверифицируемых» услуг, не относимых к медицине. Это подтверждает актуальность выводов А. Э. Жалинского и А. Э. Козловской о необходимости поиска баланса между свободой убеждений и защитой граждан от злоупотреблений [\[12\]](#).

Наиболее значимой проблемой правоприменения остается доказывание факта внушения и его роли в формировании у потерпевшего ошибочного представления о реальности. В российской судебной практике оценка речевых действий подозреваемого нередко ограничивается фиксацией конкретных фраз, что не позволяет установить динамику воздействия, характер эмоционального давления и степень когнитивного искажения. Между тем опыт резонансных дел, включая судебный процесс по обвинению Г. П. Грабового, показывает, что внушающее воздействие формируется путем последовательного усиления эмоциональной зависимости и демонстрации «уникальных знаний» [\[22\]](#). Отсюда следует необходимость комплексной лингвистической экспертизы, ориентированной не только на изучение отдельных высказываний, но и на анализ коммуникативной ситуации в целом: жанровых характеристик текста, социокультурных ожиданий адресата, особенности речевой роли исполнителя. Такой подход позволит обеспечить более точную юридическую оценку действий лжецелителей и выявить признаки злоупотребления доверием в тех случаях, когда обман не выражается в

прямых ложных утверждениях.

Совершенствование правового регулирования в этой сфере должно опираться на междисциплинарное понимание природы внушения и манипуляции. С одной стороны, уголовное право нуждается в более детальной регламентации способов совершения мошенничества, включающих манипулятивные формы воздействия, основанные на суггестии. С другой стороны, важно развивать инструменты профилактики: требования к информированию потребителей о рисках обращения к нетрадиционным практикам, а также механизмы саморегуляции в области психологических и духовных услуг. В зарубежных юрисдикциях подобные меры уже применяются: например, действуют государственные реестры специалистов, имеющих право предоставлять психологические или терапевтические услуги, а нарушение правил регистрации влечет административную или уголовную ответственность. Российское законодательство пока не содержит аналогичных механизмов, что оставляет пространство для злоупотреблений и осложняет борьбу с лжецелителями.

Важным направлением развития является институционализация юрислингвистической экспертизы как самостоятельной формы специальных знаний, применяемых в уголовном процессе. Суггестивные практики требуют анализа, выходящего за пределы традиционной лингвистики, поскольку необходимо учитывать когнитивные, психологические и прагматические аспекты коммуникации. В этом контексте юрислингвистическая экспертиза способна определить не только формальные признаки обмана, но и структуру внушения: стратегию построения угрозы, способы формирования зависимости, характер эмоционального давления. Такой подход позволяет суду установить истинный смысл речевых действий обвиняемого, даже если они представлены в завуалированной форме. В совокупности эти шаги создают предпосылки для повышения эффективности правоприменения и укрепления защиты граждан от манипулятивных практик, сохраняя при этом баланс между свободой выражения мнений и необходимостью предотвращать злоупотребления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что речевые стратегии лжецелителей представляют собой комплексную систему манипулятивного воздействия, в которой суггестия играет ключевую роль, определяя не только содержание коммуникации, но и поведенческую динамику адресата. Анализ лингвистических, психологических и правовых характеристик таких стратегий демонстрирует их многоуровневую природу: лжецелители не ограничиваются прямым обманом, а формируют замкнутую семантическую реальность, внутри которой адресат оказывается лишен способности к критической оценке. Эта искусственно созданная когнитивная среда позволяет манипулятору активно эксплуатировать эмоциональные и экзистенциальные уязвимости граждан, что приводит к утрате самостоятельности решений и формированию зависимого поведения. Юрислингвистический анализ показывает, что именно структурная организация внушения — чередование тревожных и успокаивающих компонентов, использование псевдонаучной терминологии, ритуализация речи — служит основанием для трансформации индивидуального восприятия и запуска механизма доверия, необходимого для последующего имущественного вреда.

Сопоставление теоретических моделей речевой манипуляции с судебной практикой позволяет выявить устойчивые закономерности в поведении лжецелителей, значимые для уголовно-правовой квалификации. В большинстве рассмотренных дел прослеживается единый коммуникативный алгоритм: создание угрозы или проблемы,

навязывание ее псевдопрофессиональной интерпретации, предложение решения, связанного с передачей денежных средств. Эта модель не только подтверждает манипулятивную природу воздействия, но и демонстрирует необходимость учитывать динамику коммуникации, а не отдельные ее фрагменты. Суггестивный характер взаимодействия делает традиционное понимание «обмана» недостаточным: юридически значимым становится не факт ложного утверждения, а процесс формирования у потерпевшего искаженной картины реальности посредством языка. В связи с этим особое значение приобретает комплексная юрислингвистическая экспертиза, способная выявить структуру внушения, оценить степень психологического давления и установить связь между вербальными действиями и имущественным ущербом.

Научная и практическая значимость проведенного анализа заключается в обосновании необходимости совершенствования правового регулирования, направленного на охват внушающих практик, маскируемых под оккультные, психологические или «духовные» услуги. Уголовное законодательство, ориентированное на классическое понимание обмана, должно учитывать современные формы манипуляции, основанные на сложных дискурсивных техниках и эксплуатации эмоциональной уязвимости. Перспективным представляется введение нормативных критериев, позволяющих квалифицировать суггестивные воздействия как один из способов совершения мошенничества, а также развитие систем профилактики, направленных на повышение медиаграмотности и информирование граждан о рисках взаимодействия с псевдоспециалистами. В конечном счете юрислингвистическая конвергенция — объединение правовых и лингвистических инструментов анализа — позволяет выработать комплексный подход к оценке таких деяний, обеспечивая баланс между защитой граждан и соблюдением конституционных свобод. Систематическое внедрение результатов юрислингвистических исследований в правоприменительную практику станет важным шагом к повышению эффективности борьбы с мошенническими практиками и укреплению правовой безопасности общества.

Библиография

1. Асадов Р. Б. Право и язык: аксиологические и когнитивные измерения юрислингвистической конвергенции // Право и политика. 2025. № 8. С. 1-18.
2. Парасуцкая М. И. Проблема юридизации речевой манипуляции и суггестии // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 69-70. EDN: KZZVTT.
3. Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 142-152. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.3.14. EDN: ZTSKJX.
4. Салаев З. Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг // Образование и право. 2019. № 5. С. 171-175. EDN: XBYPUI.
5. Осипов Б. И. Речевое мошенничество – вид уголовного преступления? // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 182-186. EDN: WDLKHB.
6. Осипов Б. И. Речевая манипуляция и речевое мошенничество: сходство и различие // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 216-221. EDN: WKGXZD.
7. Мишланов В. А. Языковые и речевые признаки манипулятивных текстов // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 203-216. EDN: WKGXYT.
8. Сафронова Т. С. Особенности суггестивного воздействия во вступительной речи прокуроров (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1. С. 136-141. EDN: YNGOJX.
9. Худышкина Е. А. Речевое воздействие в контексте религиозного дискурса социальной сети // Таврический научный обозреватель. 2015. № 5-2. С. 92-95. EDN: VKNNAR.
10. Кара-Мурза Е. С. Лингвосемиотические аспекты законодательной и деонтологической

- регуляции рекламы // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 163-175. EDN: WCMFIZ.
11. Ерофеев К. Б. "Магические услуги": правовой анализ // Евразийская адвокатура. 2013. № 3. С. 89-93. EDN: QBCAFZ.
12. Жалинский А. Э., Козловская А. Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 60-64. EDN: OOUBOB.
13. Нагорная И. И. Магия, гадание, целительство: уголовно-правовая охрана прав граждан // Экономика, социология, право: новые вызовы и перспективы развития: сборник трудов конференции. М.: РИСИ, 2011. С. 197-199.
14. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием: учебное пособие. М.: Алгоритм, 2004. 526 с. EDN: QOCQFV.
15. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта, Наука, 2008. 169 с. EDN: TJMHGB.
16. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: URSS, Либроком, 2009. 252 с.
17. Порческу Г. В., Бабушкина Л. Е., Милкова А. Н. Языковые средства суггестивного воздействия в рекламном тексте // Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве: междисциплинарный подход. М.: РГАУ – МСХА имени К. А. Тимирязева, 2024. С. 166-212. EDN: AGUAXE.
18. Беляева И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 374 с.
19. Месропян Л. М. Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 177 с. EDN: SVAXCF.
20. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М.: Норма, 2012. 527 с. EDN: QSHAAD.
21. Асадов Р.Б. Манипулятивные речевые стратегии лидеров общественного мнения в структуре состава вербальных преступлений // Административное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 1-18. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.76890 EDN: DQEFGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76890
22. Нагорная И. И. Дело Г. П. Грабового: конституционная легитимность приговора // Правовая система как элемент устойчивого развития субъекта РФ: сборник трудов конференции. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. С. 257-261.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью «Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски»

Предмет исследования.

Статья посвящена комплексному междисциплинарному исследованию манипулятивных речевых стратегий лжецелителей через призму юрислингвистической конвергенции. Выбор предмета является исключительно актуальным и практически значимым, поскольку находится на острие современных вызовов, связанных с квалификацией новых форм мошенничества, основанных на суггестивном вербальном воздействии.

Методология исследования.

Автор убедительно применяет методологию юрислингвистической конвергенции, что представляет собой сильную сторону работы. Методологический каркас исследования отличается целостностью и системностью: органично интегрированы лингвистический анализ (семантический, прагматический, дискурс-анализ), классический юридический догматический метод, сравнительно-правовой анализ и достаточно глубокий разбор судебной практики. Такой подход к выбору методологии исследования адекватен сложности исследуемого феномена и позволяет достичь высокой глубины анализа.

Актуальность.

Актуальность темы не подлежит сомнению. Рост числа мошенничеств, использующих психологические и речевые техники, недостаточная разработанность механизмов их доказывания в уголовном процессе и острая общественная потребность в защите наиболее уязвимых категорий граждан делают данное исследование чрезвычайно востребованным как для науки, так и для правоприменительной практики.

Научная новизна.

Научная новизна статьи ярко выражена. Автор не просто констатирует проблемы, а предлагает оригинальный аналитический инструментарий для выявления и описания структуры суггестивного воздействия. Новизна заключается в системном выделении и классификации лингвистических маркеров манипуляции (псевдонаучная терминология, неопределенные референты, ритмизация речи), увязанных с конкретными этапами формирования психологической зависимости жертвы. Особенно ценным является проведенный автором сравнительный анализ теоретических моделей с реальными материалами уголовных дел, что подтверждает достоверность предлагаемых выводов.

Стиль, структура, содержание.

Статья отличается чёткой логической структурой и завершенностью. Композиция (от теоретического обоснования и постановки проблемы к детальному анализу стратегий, законодательства, судебной практики и выводов) обеспечивает последовательное и убедительное раскрытие темы. Стиль изложения соответствует высоким академическим стандартам, отличаясь научной строгостью, терминологической точностью и богатством аргументации. Содержание демонстрирует свободное владение материалом как в лингвистической, так и в юридической плоскости.

Библиография.

Список использованных источников является одним из достоинств работы. Он не только полностью соответствует формальным требованиям журнала по количеству (22 источника), но и отличается качественным подбором. Автор опирается на солидный корпус научной литературы, включающий фундаментальные монографии, актуальные научные статьи (в том числе 2025 года), диссертационные исследования, нормативные правовые акты и материалы судебной практики, что свидетельствует о всесторонней и тщательной подготовке исследования.

Апелляция к оппонентам.

Сильной стороной статьи является ее заведомо дискуссионный и новаторский характер. Автор корректно, но твердо оспаривает узкое, традиционное понимание «обмана» в составе мошенничества, обосновывая необходимость учёта сложных суггестивных техник, создающих не ложные факты, а альтернативную искаженную реальность. Подкреплённая судебными примерами, эта позиция автора даёт серьёзные основания

для научной дискуссии и может способствовать развитию правовой науки.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы, представленные в статье, имеют высокую теоретическую и практическую ценность. Они носят конкретный и конструктивный характер, предлагая пути совершенствования экспертной практики (развитие комплексной юрислингвистической экспертизы) и правового регулирования. Работа вызовет несомненный интерес у широкой аудитории: ученых в области уголовного права, криминалистики, лингвистики и психологии; практикующих юристов, следователей, судей; а также экспертов, занимающихся речевыми и психолингвистическими исследованиями.

Статья «Юрислингвистическая конвергенция в анализе манипулятивных речевых стратегий лжецелителей: суггестивный потенциал и правовые риски» представляет собой качественное, оригинальное и завершенное научное исследование, полностью соответствующее критериям научной новизны, актуальности и методологии исследования.

Рекомендуется к публикации в журнале «Юридические исследования».